

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог.....	7
Глава 1.....	17
Глава 2.....	33
Глава 3.....	48
Глава 4.....	64
Глава 5.....	76
Глава 6.....	88
Глава 7.....	102
Глава 8.....	116
Глава 9.....	131
Глава 10.....	143
Глава 11.....	154
Глава 12.....	167
Глава 13.....	178
Глава 14.....	189
Глава 15.....	200
Глава 16.....	214
Глава 17.....	227
Глава 18.....	238
Глава 19.....	252
Глава 20.....	265
Глава 21.....	276
Глава 22.....	290
Глава 23.....	306
Глава 24.....	319
Эпилог.....	339

Все персонажи и их имена, географические названия, детали быта, мест, технических устройств и методов работы правоохранительных органов в произведении вымышлены, любые совпадения, в том числе с реальными людьми, местами и событиями, случайны. Мнения, суждения и политические взгляды автора и героев книги никак не связаны.

Моей маме посвящается.

Пролог

29 декабря 1921 года, Карелия

Свет с трудом пробивался сквозь запыленное окошко под самым потолком, снаружи на стекле отпечаталась чья-то ладонь, стены из массивных бревен были плохо проконопачены, и на стыках проступал иней, утрамбованный земляной пол пах сыростью. Прямо на нем, прислонясь к стене и кутаясь в шинели с эмблемой 27-го финского егерского батальона, сидели двое мужчин. Один — с прилизанными черными волосами, лет тридцати пяти, второй — с густой русой шевелюрой, выглядел совсем еще ребенком.

— Что-то давно майора нет, — сказал юноша по-шведски, — я беспокоюсь, Хейки.

— А то ты не знаешь своего брата, Лаури, он всегда держит язык за зубами, — тот, что постарше, говорил по-фински. — Что ему эти русские варвары сделают? Разве что напугать попробуют, но майор — тертый калач, он обведет их вокруг пальца.

Он потер затылок, ощупал шишку.

— Только вот повязали нас совсем не по-варварски, мы даже моргнуть не успели. Я лишь тут очнулся. А ты?

— Я сознания не терял, — Лаури сплюнул, стараясь выглядеть невозмутимым, он говорил быстро и нервно, слова вылетали одно за другим, — меня сразу спеленали, я даже дорогу запомнил и человека, который всеми командовал, здоровый такой, высокий, а возрастом чуть старше меня. Может быть, это сам Хийси, останется его схватить и получить награду. Интересно, нас покормят? С утра крошки во рту не было.

Парнишка откинул голову, слегка стукнувшись затылком о стену, и тихо запел по-фински:

Наш резок удар, наш гнев словно гром.
Не знаем мы пощады ни в чем,
Мы сердце вложили в удар меча,
В душе безжалостнее палача.

Тот, что постарше, рассмеялся и подхватил:

Хяме, Карьяла, Двины берег родной,
Родины хватит на всех одной,
Солнце свободы всходит над ней,
В бой провожая под марш егерей¹.

— Когда ты писал эти строки, что думал? — спросил Лаури.

Хейки потер нос, чихнул.

— Это было в семнадцатом, кажется, мы тогда вместе с немцами против русских воевали где-то в Польше, я услышал музыку, и слова сами пришли на ум. Хотя и вдали от родины, но сердцем я все рав-

¹Jäger March (марш 27-го Королевского прусского батальона егерей), слова Heikki Nurmio, пер. автора.

но чувствовал, что сражаюсь за родную Финляндию. За нашу независимость. И говорю тебе, война эта еще долго не кончится, надо нам будет пролить много варварской крови, чтобы они в ней захлебнулись. Закурить есть?

— Нет, — младший демонстративно похлопал по карманам, — все забрали. Может, со Свеном передадут.

Он деланно рассмеялся и продолжал улыбаться, когда дверь отворилась, но веселое настроение моментально исчезло — в центр камеры швырнули тело в такой же, как у него, шинели. Майор Свен Векстрем выглядел страшно, левая половина лица у него распухла, налившись красным и постепенно синевя, правое ухо надорвали и, видимо, мяли в кулаке. Левая рука у майора крепилась к телу под неправильным углом. Лаури кинулся к нему, расстегнул шинель — под ней не было рубахи, только голое тело с подпалинами и обширными кровоподтеками. Молодой человек дернулся было к двери, постучать, потребовать воды и врача, но майор его удержал правой рукой, почти здоровой.

— Отставить, рядовой Векстрем, — еле слышно просипел он, — даже не думай подходить к этой чертовой двери.

— Что они хотели? — Хейки подполз к командиру на четвереньках.

— Он, группенфюрер Нурмио, он хотел, их главарь, проклятый Хийси. Невесту ищет, — Векстрем закашлялся кровью.

— Какую невесту?

— В Выборге, — майор говорил все тише, Хейки пришлось наклониться ухом к самому рту, — в восемнадцатом, мы тогда славно погуляли, помнишь

этих русских, которых мы резали? И красных, и белых, всех подряд, так он ищет какую-то девку, которая там была. Показывал мне карточку, но я ее не помню, точно не помню. Их там столько было, разве всех...

Он тяжело и хрипло отдышался.

— Отдохни, командир, мы отсюда выберемся.

Лаури бережно взял брата за руку, прижал ее ко лбу.

— Я уже не выберусь, — криво усмехнулся Векстрем, передних зубов у него не было, на губах пузырилась кровь, — мне конец, Хейки. Помнишь полковника Коорта, который три недели назад пропал? Он здесь был, его тоже пытал Хийси, а потом разорвал горло. Руками, Хейки, голыми руками. Если выживешь, расскажи все. С кем мы воюем. Со зверьми, не с людьми.

— Да.

— А ты запомни, Лаури, на всю жизнь запомни. Ты обязан выжить.

Дверь снова отворилась, на пороге возник человек в рубахе, перепачканной красно-бурыми пятнами, коренастый, мощный, среднего роста.

— Ну что, — устало произнес он, — намучились мы с вашим майором. А все потому, что молчать пытался, только наш командир не любит это. Не жилец он теперь. Как великий русский поэт Бальмонт писать изволил, «вот, лицо покрылось пятнами, восковою пеленой, и дыханьями развратными гниль витает надо...», в общем, над майором вашим витает, поелику сдохнет он скоро.

Человек зажег спичку, чтобы прикурить папиросу. Лаури завизжал, бросился на него, но отлетел к стенке от мощного удара и затих.

— Не балуй, — строго сказал коренастый, заку-
рив, — и до тебя очередь дойдет, только попозже.

Хейки напряженно вглядывался в его лицо и, когда коренастый положил руку на ручку двери, произнес по-русски:

— Простите, это ведь вы, господин Брун?

Коренастый резко обернулся, не торопясь подошел к Нурмио, схватил за шиворот, приподнял, поднеся поближе к окошку, выпустил струю дыма в лицо.

— Рожа знакомая.

— Это я, Хейки, сын Анны-Алины, вашей корми-
лицы.

— А, это ты. Пасторский сынок, — тот, кого на-
звали Бруном, отпустил шинель Хейки, подтолкнул
того к стене, заставил сесть на пол и сам уселся ря-
дом, — как же, помню, давненько не виделись. Встря-
ли вы, братцы, так, что и не вылезти. Ты как сюда по-
пал, вроде в университет собирался поступать?

— Какой уж тут университет, если война, — Хей-
ки невесело усмехнулся, — что с нами будет, Генрих
Теодорович?

— Забудь имя это, зови меня Прохор, уяснил?

— Так конечно, Прохор. Да, уяснил.

— Прохор Фомич.

— Да, да, — Хейки всем своим видом выражал со-
гласие.

— Плохо с вами будет, уж очень зол командир
наш. У него, понимаешь, невесту убили в восемна-
дцатом, аккурат, когда вы в Выборге шалили, вот он
и ищет того, кто это сделал. Только не сознался пока
никто.

— Так за что его так, — финн кивнул на майора, —
раз это не он?

— Других делишек полно оказалось, таких, что только сразу к стенке, да еще вел себя дерзко, а командир у нас на расправу скорый, себя не щадит, а врагов тем более. Ладно здесь пошалили, может, и сошло бы с рук, а как про Выборг слышит, сам не свой становится. Эй, может, ты ее помнишь?

Прохор достал фотографию, зажег спичку. Хейки внимательно рассмотрел юное женское лицо, покачал головой.

— Нет, не помню такую. Что лишнего сделали, тут ничего не скажу, но вот ее точно не трогал и не видел даже.

— Поклянись, — потребовал Прохор.

— Богом клянусь, — твердо сказал финн, — пусть меня проклянет, если лгу.

— Ладно, — коренастый смотрел на него пристально, — а дружок твой?

— Лаури?.. Нет, ему тогда лет четырнадцать было, да и сейчас ребенок совсем, гимназист. Стихи пишет, он за братом сюда шел, да. Господин Брун... Прохор Фомич, пожалуйста, молвите слово, вы же помните, я так был, когда вы Корделина и Петерсена стрелять, сказал полицаям, что это красный матрос сделал. И никому никогда. И про расписки долговые ни словечка папа вашего Теодора Теодоровича, которые вы у них отобрали. Вы же меня с детства знаете, я не лжец. Очень не хочется умереть. Прошу.

— Эх, Хейки, сукин ты сын, — Прохор вздохнул, — по-хорошему, придушить бы тебя здесь, да долг, как говорится, он платежом красен, и мать твоя все же молоком своим меня вскормила, хорошая была женщина, богобоязненная. Ладно, вытащу я вас, только смотрите, не проболтайтесь.

— Всех троих?

— Нет, майор ваш уже покойник, наш взводный над ним почти час трудился, после такого еще никто не выживал. Он, Сергей-то Олегович, хоть и молод еще, но силушкой не обижен, таких, как вы с одного удара перешибет. Так что от смерти тебя спасаю, Хейки, ты это запомни хорошенько, и теперь ты мне будешь должен, а не я тебе. Да и пацана жалко, сдуру небось на войну поперся, она, война, не для детишек. Тут ума точно не наберешься. Сговорились?

— Конечно, да, — закивал финн.

— Сидите здесь и ждите моего сигнала, я дверь не запру, только ты даже не думай бежать раньше времени, поймают тебя и на куски порвут. А как в окошко стукну, выбегайте и сразу направо, в заросли, ветер туда сейчас дует, через дым побежите.

Коренастый поднялся, похлопал Хейки по плечу и вышел. Финн на четвереньках подполз к Лаури, парнишка дышал и даже глаза пытался открыть, а вот майор Векстрем был мертв.

Через час в окошко стукнули, Хейки и Лаури бросились к двери, распахнули ее — сарай был полон едкого дыма. Кашляя, закрывая рты и носы рукавами, егеря кое-как нашли выход, выскочили в снег и что есть мочи бросились к зарослям березы.

Хутор, где ненадолго обосновался отряд разведчиков 129-й стрелковой бригады Карельского фронта, был небольшим — всего на два дома и десяток хозяйских построек. Хозяева убежали, стоило появиться русским, их никто не задерживал, даже скотину позволили увести. Половину. Травин под допросную облюбовал бывшую конюшню, там и соломы было вдоволь, она кое-как впитывала кровь,

и холодно было достаточно. В тепле пленные быстро теряли сознание от боли, а вот на морозе держались, и если уж выбалтывали секреты, то ничего не скрывая — к этому времени живого места на них почти не оставалось.

До сих пор ни один из них не сознался в убийстве княжны Ляны Мезецкой, с одной стороны, это давало надежду — вдруг девушка жива, каким-то чудом выбралась из города, а с другой — заставляло искать правду снова и снова. Сегодняшний майор Векстрем был по счету из пятого десятка пленных и из второго десятка оккупантов, бесчинствовавших в Выборге, точное число Травин не помнил, потерял счет на первой дюжине. Майор поначалу держался нагло, дерзил и даже смеялся в лицо, но через полчаса заскулил, чуть ли не зарыдал и выложил все. Все, кроме того, что действительно интересовало Сергея.

— Сволочи, — Травин стукнул кулаком по столу, выглянул в окно.

Среди тех, кто ему попадался, невиновных почти не было. Эти финны словно с цепи сорвались, такие дела творили не только над красноармейцами — над всеми русскими, кто им попадался, что и в самых ужасных книгах не прочесть. Кожу сдирали с тела, глаза выкалывали, ногти выдирали, травили собаками, топтали лошадьми. Поначалу Сергей просто их бил — опыта у него в этом отношении было немного, зато силы хватало, но со временем, наслушавшись того, что они сами творили с пленными, начал поступать так же. Кровь за кровь, зуб за зуб. Зубы у пленников заканчивались быстро, кровь текла ручьями. Повстанцы долго не выдерживали, выкладывали все, что знали — где стоят батальоны и роты, какие

пароли и отзывы, что в планах у командиров. Все это Травин отсылал командованию фронта и лично товарищу Гюллингу, за это его ценили и почти не контролировали.

Помимо пользы от добытых сведений, группа Сергея нагоняла такого страха, что это врага деморализовало. Он отобрал полтора десятка таких же безбашенных, беспощадных и готовых на все, почти каждый потерял кого-то из близких и шел мстить. С этими людьми он совершал вылазки на вражескую территорию, порой углубляясь на полсотни километров. Финны прозвали Травина «Хийси», злобный леший, чье появление означало смерть, за его голову назначили награду — двадцать тысяч шведских крон. На взвод охотились, но пока что красноармейцам удавалось ускользать от противника.

Стрелка часов перевалила через полдень, половина бойцов отсыпалась после ночной вылазки, остальные прохаживались между строениями. В дверь постучали, внутрь заглянул Карасев, один из часовых, пожилой крестьянин из местных.

— Горит, — спокойно сказал он. — Пожар, товарищ комвзвода, потушить не можем, уж очень сильно занялось. Знатно полыхнуло, етить.

Сергей как был, в рубахе и валенках, выскочил на улицу. Сарай, в котором держали свежих пленных, пылал. Пламя полностью охватило ближний к входу угол, пробираясь дальше по сухим бревнам, которые вспыхивали, словно спички, с крыши летели комья тлеющей соломы. Часовые не растерялись, трое остались на своих местах, следя за окрестностями — дым наверняка мог привлечь внимание, а остальные бегали с ведрами к колодцу и обратно.

Травин кинулся к постройке, но его перехватил Прохор Мухин.

— Стой, — прорычал он, — куда? Сгоришь!

— Там пленные, они могут что-то знать.

— Черт с ними, сгинут, туда им и дорога, еще наловим. Глаза разуй, огонь везде, живых внутри нет.

Травин молча оттолкнул мужчину и почти уже скрылся в задымленном проходе, Прохор успел ухватить его за валенок. Сергей поскользнулся, упал, пихнул Мухина ногой, и тут балка рухнула ему на затылок.

Глава 1

19/03/29, вт.

Девятнадцатого марта 1929 года, во вторник, Сергей проснулся в восемь утра. Он пытался зацепить сознанием улизнувший сон, по ощущениям, очень важный, но, как всегда, так ничего и не вспомнил. Окинул взглядом комнату — из вещей остался только небольшой мешок, набитый необходимыми вещами, и кожаный чемодан. Все остальное ждало его в Ленинграде, в новой квартире рядом с новой работой. Травин подумал, что будет скучать по этому дому и по городу, в котором пробыл больше года.

Позавтракав наскоро, молодой человек вышел на улицу — до начала рабочего дня оставалось совсем немного. Морозы, стоявшие всю первую половину первого весеннего месяца, отступили, и солнце уверенно превращало снег в лужи и вязкую грязь. Людской поток растекался по многочисленным конторам и учреждениям, переполненный трамвай прогрохотал по Советской улице, работники коммунхоза снимали со стен и крыш плакаты, знамена и транспаранты — за день до этого Псков отметил День Парижской коммуны. Возле крепостной стены

к Травину прицепилась молодая цыганка, она трясла цветастыми юбками и размахивала руками. На шее у нее болталась одинокая монета на веревочке.

— Вижу, перемены тебя ждут, — она заступила Сергею путь, а когда тот попытался ее обойти, прошмыгнула вперед, — дай сюда руку, все расскажу, что есть и что будет.

У Травина были лишние десять минут, серебряный полтинник в кармане и хорошее настроение, цыганка выглядела голодной и уставшей, впавшие щеки, синие веки и не по-цыгански бледная кожа подчеркивали огромные черные глаза, иссиня-черные волосы были всклокочены, тем не менее выглядела она совсем не неряшливо и приятно пахла корицей. Молодой человек не смог отказать, протянул руку, а когда гадалка попыталась вцепиться в нее, вложил ей в ладонь монету.

— Считай, погадала, — сказал он, — иди, купи себе пирожков на завтрак, а то вон какая худющая.

— Так нельзя, — твердо сказала цыганка, — ты заплатил, теперь я тебе обязана всю правду сказать. Да не бойся, не укушу.

— Ладно, — сдался Травин, — гадай. Только быстро, а то на работу опоздаю.

Гадалка уперлась взглядом в его ладонь, потом поводила по ней пальцем. Ногти у нее были аккуратно пострижены, подушечки пальцев — мягкие, без мозолей, от щекотки молодой человек улыбнулся.

— Вот здесь, — наконец выдала цыганка, — смотри, видишь эту черточку? Перемены тебя ждут.

И она ткнула ногтем в середину ладони. Травин даже приглядываться не стал, с гадалкой он был совершенно согласен. Более того, он мог бы вот так же подойти к любому человеку и пообещать резкие из-

менения в его жизни, в Советской России без этого ни один день не обходился.

— Новость тебе будет, плохая, — не унималась цыганка, щекоча Сергею ладонь, — сперва ждет тебя дом казенный, потом дорога в дальние края, а там женщину встретишь с глазом дурным, черным, накличет она на тебя беду. И недруга старого, он со свету тебя сжить хочет. Позолоти ручку, все как есть расскажу и наговор наложу от несчастий и горестей.

— Согласен, — кивнул Сергей, — все беды у меня от вас, черноглазых, да и дом казенный я регулярно посещаю, потому как там работаю, и дорогу дальнюю жду со дня на день. Ты ведь конкретного мне ничего не скажешь, правда? А бояться непонятно кого я не умею и не люблю.

Цыганка покачала головой, отпустила его руку и отступила на шаг.

— Ну как знаешь, — неожиданно спокойно произнесла она, подбросила в воздух серебряную монету и ловко сунула ее Сергею в карман пальто, — денег твоих мне не надо. Захочешь наговор, у наших Виту спроси, они меня кликнут. А как поздно спохватишься, прибежишь, не сделать уже ничего, судьба.

Взмахнула юбками и ушла в сторону вокзала, не обернувшись.

— Странная какая-то, — пробормотал Травин. — Может, и вправду погадать хотела, а тут я со своими подачками.

Псковские цыганки просто так клиента не отпускали, а если тот вдруг собирался уходить, на помощь одной гадалке приходили товарки, они окружали источник гривенников и рублей со всех сторон. Пару раз Сергею, чтобы отбить своих знакомых, приходилось прикладывать физическую